

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/batushov/aihenv_batushov.html.

Для русской литературы Батюшков умер почти на тридцать пять лет раньше своей физической смерти: в 1821 году он стал обнаруживать признаки душевного недуга, который все возрастал и наконец перешел в беспросветное безумие. "Последний луч таланта пред кончиной", сохранилось его стихотворение, записанное под диктовку в этом роковом году:

Ты помнишь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родился человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Таким аккордом глубокой безнадежности отзвучала поэзия, в которой преобладали совсем другие мотивы. Как известно, Батюшков -- певец сладострастия, и даже слово это было для него излюблено. Он радовался молодости и страсти, любил вдыхать в себя от каштановых волос тонкий запах свежих роз и безуданно пел о том, как сладко венки на волосах каштановых измять и пояс невзначай у девы развязать. Его чаровали тихие, медленные и страстные телодвижения в сплетенном хороводе поющих жен. Он славил и роскошь золотую, которая обильною рукой подносит вины и портеры выписной, и сочные апельсины, и с трюфлями пирог. У него, правда, слышится также восхваление чистой Дружбы, идиллический призыв к бедным пенатам, к отраде смиренного уголка, -- но его идиллия своеобразна тем, что она не скромна и тиха, что ее наслаждения тоже страстны и пьяны, что в этот шалаш простой придет не только друг, но и Лилета, и певец "на ложе сладострастья" будет пить ее пламенное дыхание, как роз благоуханье, как нектар на пирах. Последнее мгновение жизни он эпикурейски представлял себе как последнее объятие женщины; и бог любви по дороге, усеянной цветами, поведет любовников в Элизий, где они под сенью мирта воскреснут с новым пламенем в крови и

Где, любуясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.

Тяготая к жизни, к ее радости, к ее цветам, он хотел бы забыть все ее суровые и строгие тоны, ее науку, ее гнетущую мудрость:

Ужели в истинах печальных
Угрюмых стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов.
Для них нет прелести и в прелестях природы,
Им девы не поют, сплетаясь в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов.

Но эта языческая стихия была в душе у Батюшкова не единственной и не полновластной. Она боролась со стихией христианской, и он не сумел и не хотел до конца остаться рапсодом земных пиров и любовной неги. Он не был последователен, и на страницах его небольшой поэтической книги, несмотря